

КАТЕГОРИЯ «МНОГОПОЛЯРНОСТЬ» В КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТАХ РОССИИ, КИТАЯ И ИНДИИ

Станислав Александрович Мальченков,

Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н.П. Огарева,
Саранск, Россия,
stamal@yandex.ru

Получена 20.09.2024.

Поступила после рецензирования 22.11.2024.

Принята к публикации 03.02.2025.

Для цитирования: Мальченков С.А. Категория «многополярность» в концептуальных документах России, Китая и Индии // Дискурс-Пи. 2025. Т. 22. № 1. С. 120–137. https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_1_120

Аннотация

Цель исследования состоит в выявлении сходства и различия семантического содержания понятия «многополярность» в концептуальных документах, определяющих основные направления внешней политики Российской Федерации, Китайской Народной Республики и Республики Индия. В работе были использованы контент-анализ, сравнительный анализ, а также проблемно-хронологический метод. Эмпирической базой исследования выступили различные редакции Концепции внешней политики РФ, Стратегии национальной безопасности РФ, Белой книги национальной обороны Китая, а также Ежегодные отчеты Министерства иностранных дел Индии. По итогам исследования выявлены этапы становления и развития категории «многополярность» в официальном политическом дискурсе крупнейших стран мира. Проведенный анализ показал, что акцентированное обращение к идее многополярного мира связано со стремлением России, Индии и Китая преодолеть сложные условия кризиса системы международных отношений первых десятилетий XXI в. Выявлено, что, хотя три страны во многих аспектах понимают значимость

© Мальченков С.А., 2025

построения многополярного мира одинаково, тем не менее, имеется ряд различий в определении отдельных параметров этой категории. Наиболее заметные из этих различий связаны со сравнительной оценкой важности геополитического и экономического содержания многополярности, а также с пониманием роли стран Запада в ее становлении и развитии. В статье сделан вывод о том, что в каждом из рассматриваемых государств был накоплен существенный вклад в раскрытие смысла многополярности, однако наиболее полно ее содержательные элементы выявлены в концептуальных документах Российской Федерации. Полученные в рамках данного исследования результаты призваны преодолеть расхождения в трактовке важнейшего понятия современных международных отношений и тем самым создать условия для сближения позиций России и ее ключевых партнеров.

Ключевые слова:

многополярность, внешняя политика, национальная безопасность, оборона, международные отношения, Россия, Китай, Индия, БРИКС

UDC 327.33

DOI: 10.17506/18179568_2025_22_1_120

THE CONCEPT OF MULTIPOLARITY IN THE STRATEGIC DOCUMENTS OF RUSSIA, CHINA, AND INDIA

Stanislav A. Malchenkov,

National Research Ogarev
Mordovia State University,
Saransk, Russia,
stamal@yandex.ru

Received 20.09.2024.

Revised 22.11.2024.

Accepted 03.02.2025.

For citation: Malchenkov, S.A. (2025). The Concept of Multipolarity in the Strategic Documents of Russia, China, and India. *Discourse-P*, 22(1), 120–137. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_1_120

Abstract

The study aims to identify similarities and differences in the semantic content of the *multipolarity* concept as presented in the strategic documents that outline the foreign policy directions of the Russian Federation, the People's Republic of China, and the

Republic of India. The research employs content analysis, comparative analysis, and a chronological approach. The empirical basis consists of various editions of the Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation, the National Security Strategy of the Russian Federation, China's Defense White Paper, and the Annual Reports from India's Ministry of External Affairs. The study identifies the stages in the formation and development of the *multipolarity* concept within the official political discourse of these major global powers. The analysis reveals that the heightened emphasis on a multipolar world is linked to Russia, India and China's efforts to navigate the challenging conditions arising from crisis in international relations during the early 21st century. While these three countries largely agree on the significance of establishing a multipolar world, notable differences exist in their definitions of its specific parameters. The most significant discrepancies pertain to their comparative assessments of geopolitical and economic aspects of *multipolarity*, along with their perceptions regarding the role of Western countries in its formation and evolution. The article concludes that each state has contributed to elucidating the meaning of *multipolarity*; however, its substantive elements are most comprehensively articulated in Russia's strategic and conceptual documents. The findings aim to bridge differences in interpreting this crucial concept within modern international relations, thereby, fostering alignment between Russia and her key partners.

Keywords:

Multipolarity, foreign policy, national security, defense, international relations, Russia, China, India, BRICS

Введение

Актуальность исследования многополярности в третьем десятилетии XXI в. напрямую связана с масштабными тектоническими сдвигами в системе международных отношений, которые происходят в настоящее время. Постепенное, но неуклонное сокращение тенденций доминирования западных государств в глобальном экономическом и военно-политическом пространстве сопровождается одновременным усилением позиций России, Китая, Индии и ряда других стран. Подобные процессы существенным образом меняют само восприятие категории «многополярность», которая на первых порах оценивалась рядом авторов как маргинальный конструкт, инструмент внешнеполитического влияния государств, осуществляющих догоняющую модернизацию. Однако в международных реалиях 2020-х гг. многополярный мир воспринимается уже не как утопичный проект, а как наиболее вероятный контур дальнейшего развития системы международных отношений.

В то же время представляется, что констатировать завершение процесса построения многополярного мира в текущем периоде преждевременно. Несмотря на значительное число разнообразных международных встреч, саммитов, конгрессов и научных конференций под брендом многополярного мира, все еще сохраняются ощутимые разночтения в понимании самой сущности этого явления,

которые характерны в том числе и для государств, находящихся в авангарде продвижения идеи многополярности.

Цель данной статьи состоит в выявлении сходства и различия семантического содержания понятия «многополярность» в концептуальных документах, определяющих основные направления внешней политики Российской Федерации, Китайской Народной Республики и Республики Индия.

Методологическую базу исследования составили подходы и концепции значительного числа отечественных и зарубежных ученых. Еще до появления термина «многополярность» идея мировой системы с числом центров силы, большим, чем два, было затронуто рядом классиков теории международных отношений (в частности, Г. Моргентау). Подлинный расцвет концепции многополярности как в общественно-политическом, так и в научном дискурсе парадоксальным образом наступил в период 1990-х гг., когда доминирование США и стран Запада в международных отношениях казалось абсолютным и долговременным. Отдельные черты многополярного видения можно найти в статье С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций» (опубликована в 1993 г. и через три года расширена до одноименной книги). Однако заслуга непосредственного использования выражения *concept of multipolarity* принадлежит Г. Киссинджеру в своем известнейшем труде «Дипломатия» (Kissinger, 1994). Впрочем, по его мнению, появление после окончания «холодной войны» новых глобальных держав не помешает США сохранить положение *primus inter pares*.

В тот же период параллельными курсами в китайском политическом дискурсе начинает развиваться понятие «доцзихуа», которое тогдашний лидер КНР Цзян Цзэминь возводил к концептуальным принципам внешней политики Мао Цзэдуна. В отечественной же науке и политической практике несомненное право первопроходца принадлежит Е. М. Примакову, который еще в 1996 г. опубликовал во многом пророческую работу «На горизонте – многополюсный мир» (Примаков, 1996).

В современной научной литературе на русском, английском, китайском и других языках число публикаций, посвященных проблемам становления многополярного мира, весьма велико. Ряд исследователей (Подоль, 2003; De Keersmaecker, 2017; Агаркова, 2022; Крадин, 2023) сосредотачиваются в своих работах на выявлении дискурсивного содержания термина «многополярность» в социально-философском и историческом контекстах. Значительная часть работ обращается к экономическим факторам и тенденциям многополярности: А. Н. Елецкий (Елецкий, 2015), Э. Кобылко (Kobylo, 2021), Р. Гуттман (Guttman, 2022) ставят на первое место именно геоэкономические аспекты падения Pax Americana и становления многополярного капитализма. В то же время научный подход, согласно которому развитие многополярности в первую очередь связано с геополитическими факторами, развивается не менее активно: заметные работы в данной методологической парадигме были созданы Сунь Цзянь и Сюэ Нянвэнь (Jian, Nianwen, 2017), К. Е. Атмали (Атмали, 2021), а также группой авторов из Германского института глобальных и региональных исследований (Chu et al., 2024).

Применительно к тематике данной статьи важное значение имеют те публикации, которые напрямую обращаются к проблеме трактовки понятия

«многополярность» в зарубежных странах. Китайское видение многополярности и механизмы реализации этой концепции во внешней политике КНР рассмотрены в исследованиях В.Я. Портякова (Портяков, 2013), Р. Сильвиуса (Silvius, 2019), Д.А. Дегтерева и Г.В. Тимашева (Degterev, Timashev, 2020), Т.Л. Дейча (Дейч, 2023). Существенно менее изученными остаются на данный момент подходы к многополярности, свойственные руководству Индии. Отдельные аспекты данной темы отражены в публикациях Н. Капура (Kapur, 2023) и Ш. Ядав (Yadav, 2024). В целом, наблюдается нехватка исследований, которые были бы ориентированы на сопоставление подходов к многополярности в разных странах. Частично закрыть эту лауну призвана данная статья.

Наиболее значимым методологическим инструментом, позволяющим сопоставить понимание многополярности в России, Индии и Китае, несомненно, является компаративистский подход. При этом сама идея восприятия своего государства как одного из центров мира напрямую связана с категорией «локальная цивилизация», поэтому применение цивилизационного подхода в данной работе позволило расширить понимание сущности многополярности как явления. Обращение к проблемно-хронологическому методу дало возможность выявить этапы и тенденции становления взглядов на сущность многополярного мира в разных странах.

Ключевым прикладным методом данного исследования является направленный контент-анализ (в форме как количественной, так и качественной его разновидностей). Применение сервиса Istio позволило выявить упоминание категории «многополярность» и ее производных в обширном корпусе концептуальных документов, а также проследить колебания частотности этих упоминаний в разные периоды времени. Основу эмпирической базы исследования составили выходившие в период 2000–2023 гг. различные версии таких документов, как Концепция внешней политики Российской Федерации, Концепция (позднее – Стратегия) национальной безопасности Российской Федерации, Белая книга национальной обороны Китая, Ежегодные отчеты Министерства иностранных дел Индии. В качестве дополнительных источников привлекались отдельные интервью В.В. Путина, Цзян Цзэминя, Си Цзиньпина, М. Сингха и Н. Модии, которые можно оценивать как примеры политико-идеологических документов.

Результаты исследования

Анализ представленности категории «многополярность» в концептуальных документах Российской Федерации. Обращаясь к изучению внешнеполитических принципов России в первые годы после распада СССР, отметим, что в весьма подробных и развернутых Основных положениях концепции внешней политики Российской Федерации от 23 апреля 1993 г. понятие «многополярность» ни разу не упоминается. Впрочем, это неудивительно, поскольку в тот период данный термин только внедрялся в научный и политический дискурс. В документе осторожно прописаны тенденции полицентризма в международных отношениях. Однако гораздо чаще в тексте встречаются позиции о том, что интересы «ведущей группы промышленно раз-

витых государств Запада», которая «быстро наращивает свою экономическую и финансовую мощь, политическое влияние в мире», в некоторых аспектах совпадают с целями демократической России.

В 1996 г. министерство иностранных дел возглавил Е.М. Примаков, который, как отмечалось выше, является одним из пионеров использования категории «многополярность» не только в России, но и в мире в целом. Не случайно в Концепции национальной безопасности Российской Федерации от 17 декабря 1997 г. термин «многополярность» и его производные упоминаются четырежды. В документе отмечается, что «в настоящее время положение на международной арене характеризуется прежде всего усилением тенденций к формированию многополярного мира», хотя подчеркивается, что становление такого мира будет продолжительным. При этом за два года до знаменитого разворота самолета на Атлантикой прозорливо указывается, что угрозой безопасности для нашей страны являются «попытки других государств противодействовать укреплению России как одного из влиятельных центров формирующегося многополярного мира»¹.

Концептуальные документы 2000 г. принимались уже в период руководства страной В.В. Путиным. При этом Е.М. Примаков больше не занимал ведущих постов во главе страны, однако внешнеполитическое ведомство в тот момент возглавлял его ученик И.С. Иванов, поэтому категория «многополярность» сохранилась в новых документах. В Концепции национальной безопасности Российской Федерации от 10 января 2000 г. о ней говорится трижды. В частности, подчеркивается, что «Россия будет способствовать формированию идеологии становления многополярного мира». Положения относительно национальных интересов в этом тексте во многом повторяют положения 1997 г., поэтому вновь провозглашена позиция России как «одного из центров влияния в многополярном мире»².

Схожие положения содержатся в принятой 28 июня того же года Концепции внешней политики Российской Федерации. В документе указано, что «Россия будет добиваться формирования многополярной системы международных отношений, реально отражающей многоликость современного мира с разнообразием его интересов»³.

Следующий этап формирования концептуальных документов внешней политики России связан с периодом 2008–2010 гг., когда во главе нашего государства находился Д.А. Медведев, а Министерство иностранных дел уже продолжительное время возглавлял С.В. Лавров. Этот период, известный как «эпоха перезагрузки», характеризуется кратковременным улучшением отношений с США и странами Запада на фоне совместного преодоления последствий мирового экономического кризиса. В Концепции национальной безопасности

¹ Концепция национальной безопасности Российской Федерации (1997, 17 декабря). Взято 26 апреля 2024, с <http://www.kremlin.ru/acts/bank/11782>

² Концепция национальной безопасности Российской Федерации (2000, 10 января). Взято 26 апреля 2024, с <http://www.kremlin.ru/acts/bank/14927>

³ Концепция внешней политики Российской Федерации (2000, 28 июня). Взято 26 апреля 2024, с <https://docs.cntd.ru/document/901764263>

Российской Федерации от 12 июля 2008 г. «нарождающаяся многополярность» упоминается лишь вскользь как одна из фундаментальных тенденций современного развития⁴.

Более подробно эта тема затронута в принятой 12 мая 2009 г. «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», где о многополярности сказано в трех фрагментах текста. В документе подчеркнута необходимость «отстаивания национальных интересов в качестве ключевого субъекта формирующихся многополярных международных отношений». Также в перечне национальных интересов на долгосрочную перспективу указано «превращение Российской Федерации в мировую державу, деятельность которой направлена на поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях многополярного мира»⁵.

Казалось, что без упоминания многополярности мироустройства уже невозможно представить себе текст концептуальных документов нашей страны. Тем более удивительным представляется тот факт, что после этого на протяжении 13 лет рассматриваемая в данной работе категория ни разу не появлялась в новых версиях документов: без нее обошлись Концепции внешней политики 2013 и 2016 гг., а также Стратегии национальной безопасности 2015 и 2021 гг. Вероятно, такое положение дел объяснялось в большей степени прикладным, а не стратегическим характером данных документов, большинство из которых принимались как реакция на начавшееся в 2014 г. открытое противостояние со странами Запада.

В тоже время в 2018–2020 гг. риторика руководства страны меняется в сторону усиления восприятия России как особой цивилизации (Мальченков, 2022, с. 63). Возрастает внимание к идее формирования и расширения контуров «Русского мира» как уникальной трансграничной общности людей. Органическим продолжением этой темы, на наш взгляд, становится подчеркивание статуса Российской Федерации как одного из центров многополярного мира. Понятие «многополярность» возвращается в отечественный официальный дискурс в условиях Специальной военной операции, когда потребовался резкий пересмотр приоритетов внешней политики. Обращаясь к участникам X Петербургского международного юридического форума 30 июня 2022 г., В.В. Путин заявил: «Многополярная система международных отношений активно формируется. Этот процесс необратим, он происходит на наших глазах и носит объективный характер»⁶.

Высказывания руководителя страны во многом предвосхитили содержание действующей редакции Концепции внешней политики Российской Федерации от 31 марта 2023 г., в которой слова «многополярность» и «многополярный»

⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации (2008, 12 июля). Взято 27 апреля 2024, с <http://www.kremlin.ru/acts/news/785>

⁵ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (2009, 12 мая). Взято 27 апреля 2024, с <http://www.kremlin.ru/acts/bank/29277>

⁶ Путин, В.В. (2022, 30 июня). Обращение к участникам X Петербургского международного юридического форума. Взято 2 мая 2024, с <http://www.kremlin.ru/events/president/news/68785>

упоминаются беспрецедентно часто (11 раз), являясь своеобразным рефреном всего документа. В «Общих положениях» отмечено, что Россия «выступает в качестве одного из суверенных центров мирового развития и выполняет исторически сложившуюся уникальную миссию по поддержанию глобального баланса сил и выстраиванию многополярной международной системы»⁷.

В качестве первого из приоритетных направлений внешней политики Российской Федерации в Концепции 2023 г. выделено «Формирование справедливого и устойчивого мироустройства». Оно подразумевает, что «система международных отношений должна быть многополярной». Далее подробно прописаны принципы многополярности. Среди них наибольшее значение имеет признания равенства стран и запрет на вмешательство во внутренние дела друг друга. Отдельно подчеркиваются отрицание гегемонистских стремлений и необходимость строить отношения на основе международного права. Именно эта часть документа представляется наиболее важной, так как устанавливает развернутое понимание сущности категории «многополярность».

Кроме того, в Концепции 2023 г. многополярность упоминается в контексте фактора, способствующего дружеским отношениям со странами Исламского мира и Африки. Что же касается взаимосвязей со странами Запада, то они из числа некогда ведущих региональных приоритетов переместились в своеобразный «подвал» документа. Впрочем, тут же подчеркивается, что Россия рассчитывает на восстановление отношений, когда западные государства «примут во внимание сложные реалии многополярного мира»⁸.

В дальнейшем тема многополярности остается в фокусе внимания российского руководства. В своем выступлении в августе 2023 г., В.В. Путин назвал страны Запада «непримиримыми противниками формирования многополярного мира, сторонниками которого являются государства БРИКС»⁹. В октябре того же года в интервью китайским СМИ Президент РФ заявил: «Права и свободы одной страны и одного народа заканчиваются там, где появляются права и свободы другого человека или целого государства. Вот так постепенно и должен рождаться многополярный мир»¹⁰.

Анализ представленности категории «многополярность» в концептуальных документах Китайской Народной Республики. Именно Китай можно назвать государством, впервые внедрившим понятие «многополярность» в свой официальный внешнеполитический дискурс. Заметная роль в этом принадлежит Председателю КНР Цзян Цзэминю, который еще в 1992 г. заявил о вступлении мира «в период развития многополярности» (доцзихуа, 多级划). В 1995 г. китайский руководитель констатировал, что «современный мир идет к многополярной структуре», а два года спустя отметил уже «ускоренное раз-

⁷ Концепция внешней политики Российской Федерации (2023, 31 марта). Взято 2 мая 2024, с <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70811>

⁸ Там же.

⁹ Путин назвал сторонников и противников многополярного мира (2023, 24 августа). Взято 2 мая 2024, с <https://www.rbc.ru/politics/24/08/2023/64e720cd9a7947f165377a24>

¹⁰ Путин, В.В. (2023, 16 октября). *Интервью Медиакооперации Китая*. Взято 2 мая 2024, с <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72508>

вите тенденции многополярности... как в сфере политики, так и в экономике» (Портяков, 2013, с. 86). Цзян Цзэминь полагал, что идею многополярности должны разделять все государства планеты. В итоге реализация принципа «доцзихуа» подразумевает «постепенное и зигзагообразное» движение в сторону нового международного порядка¹¹.

В качестве основного концептуального документа КНР по вопросам внешней политики, несомненно, стоит рассматривать Белую книгу национальной обороны, которая выпускается с 1995 г. Впрочем, в первой версии, а также в варианте 1998 г. многополярность не упоминалась ни разу. Однако в Белой книге 2000 г. интересующее нас понятие появляется уже в первом абзаце текста: «Тенденция к многополярности и экономической глобализации набирает силу, а ситуация в области международной безопасности в целом продолжает иметь тенденцию к смягчению»¹². Спустя два года мир сплотился в борьбе с международным терроризмом. После событий 11 сентября 2001 г. китайская Белая книга 2002 г. дает уже не такую позитивную оценку, как прежде: «Международная ситуация претерпевает глубокие изменения, поскольку мир вступил в новый век. Многополярность мира и экономическая глобализация развиваются на фоне перипетий»¹³.

В 2004 г. творец принципа многополярности Цзян Цзэминь покидает свой пост. Его сменяет Ху Цзиньтао, которого часто оценивают как более «прозападного» руководителя. Можно согласиться с мнением В. Я. Портякова, который полагает, что «в 2000-е гг. пропаганда многополярности мира в Китае несколько приглушается», при этом «термин в официальных документах встречается, но скорее ритуально, без особого развития и пояснения». Белая книга 2006 г. констатирует, что «общая обстановка международной безопасности остается стабильной». Документ обращает внимание на некоторый дисбаланс в международных отношениях, однако резюмирует: «Мир и безопасность во всем мире таят в себе больше возможностей, чем проблем. Мир находится на критическом этапе, двигаясь к многополярности»¹⁴. В Белой книге, выпущенной в январе 2009 г., «ритуальность» упоминания «доцзихуа» достигает своего пика во всего одном коротком предложении, которое явно

¹¹ Цзян Цзэминь. (2002). *Реформа, развитие, стабильность. Статьи и выступления*. Москва: О-во дружбы и сотрудничества с зарубежными странами. С. 302.

¹² *China's Defense White Paper* (2000, October 16). Retrieved May 4, 2024, from http://www.andrewerickson.com/wp-content/uploads/2019/07/China-Defense-White-Paper_2000_English.pdf

¹³ *China's Defense White Paper* (2002, December 9). Retrieved May 4, 2024, from http://www.andrewerickson.com/wp-content/uploads/2019/07/China-Defense-White-Paper_2002_English-Chinese_Annotated.pdf

¹⁴ *China's Defense White Paper* (2006, December 29). Retrieved May 4, 2024, from http://www.andrewerickson.com/wp-content/uploads/2019/07/China-Defense-White-Paper_2006_English-Chinese_Annotated.pdf

¹⁵ *China's Defense White Paper* (2009, January 20). Retrieved May 4, 2024, from http://www.andrewerickson.com/wp-content/uploads/2019/07/China-Defense-White-Paper_2008_English-Chinese.pdf

ставит (на фоне мирового кризиса) на первое место именно экономическую, а не геополитическую составляющую: «Экономическая глобализация и многополярность мира набирают обороты»¹⁵.

В документе, опубликованном в марте 2011 г. (в период правления Ху Цзиньтао), «многополярность» впервые упомянута больше одного раза. Отмечается, что «движение к экономической глобализации и многополярному миру необратимо», однако на фоне событий Арабской весны и других потрясений рубежа десятилетий подчеркнуто, что «угрозы безопасности становятся все более интегрированными, сложными и нестабильными». Несмотря на это, делается вывод о «растущем международном статусе и влиянии развивающихся стран», благодаря чему «перспективы мировой многополярности становятся все яснее»¹⁶.

С 2012 г. пост Председателя КНР занимает Си Цзиньпин, вся дальнейшая деятельность которого на международной арене напрямую связана с укреплением позиций страны как одного из мировых центров силы. Первый раздел Белой книги национальной обороны 2013 г. обосновано носит название «Новая ситуация, новые вызовы и новые миссии». Документ исходит из того, что «тенденции к экономической глобализации и многополярности усиливаются, культурное разнообразие увеличивается, быстро формируется информационное общество», а «международная ситуация в целом остается мирной и стабильной». Однако отмечается, что «мир все еще далек от спокойствия», поскольку «есть признаки усиления гегемонизма, силовой политики и неоинтервенционизма»¹⁷.

Белая книга 2015 г. увидела свет уже после начала конфронтации России и Запада, а также на фоне нарастания деструктивной активности мирового терроризма. Однако в новом документе эти факторы не выглядят препятствиями для укрепления позиций Китая. Сама фраза «в современном мире усиливаются глобальные тенденции к многополярности и экономической глобализации» в начале текста уже воспринимается как часть «обязательной программы», впрочем, гораздо больше в нем говорится именно о механизмах китайского лидерства в меняющемся мире. Аналогичным образом построена и Белая книга 2019 г. – последняя на текущий момент. Она утверждает, что «экономическая глобализация, информационное общество и культурная диверсификация развиваются во все более многополярном мире», однако «существуют заметные дестабилизирующие факторы и неопределенности в международной безопасности»¹⁸.

Наступивший далее перерыв в публикации новых редакций Белой книги национальной обороны КНР, вероятно, можно объяснить тем, что руководство

¹⁶ *China's Defense White Paper* (2011, March 31). Retrieved May 4, 2024, from http://www.andrewerickson.com/wp-content/uploads/2019/07/China-Defense-White-Paper_2010_English-Chinese_Annotated.pdf

¹⁷ *China's Defense White Paper* (2013, April 16). Retrieved May 4, 2024, from http://www.andrewerickson.com/wp-content/uploads/2019/07/China-Defense-White-Paper_2013_English-Chinese_Annotated.pdf

¹⁸ *China's Defense White Paper* (2019, July 24). Retrieved May 4, 2024, from <https://www.andrewerickson.com/2019/07/full-text-of-defense-white-paper-chinas-national-defense-in-the-new-era-english-chinese-versions>

страны ожидает снижения неопределенности в международных отношениях, вызванных сначала пандемией COVID-19, а затем и началом Специальной военной операции, а также очередным обострением палестино-израильского конфликта. В этих условиях, тем не менее, термин «многополярность» не уходит из официального дискурса китайских властей. Например, выступая в рамках 12-го саммита БРИКС, проходившего в ноябре 2020 г. в формате видеоконференции, Си Цзиньпин решительно отметил, что даже в условиях пандемии «тенденции к мировой многополярности и экономической глобализации невозможно повернуть вспять»¹⁹. Еще одно обращение лидера Китая к исследуемой нами категории также относится к теме БРИКС. Выступая в августе 2023 г. на Деловом форуме, функционирующем в рамках объединения, Си заявил, что механизм «БРИКС плюс» позволяет «продвигать многополярность мира и демократизацию международных отношений»²⁰.

Нельзя не заметить, что в официальном китайском дискурсе постоянно подчеркивается тема цивилизационной уникальности КНР, которая и предопределяет право страны на роль одного из центров многополярного мира. Именно в этом русле можно воспринимать сформулированную в 2012 г. «вторую цель столетия», предполагающую превращение Китая в «сильное, демократическое, цивилизованное, гармонизированное и современное социалистическое государство» к 100-летию образования КНР в 2049 г., а также концепцию «Один пояс – один путь»²¹. Аналогично в докладе Си Цзиньпина на XX съезде КПК (2022 г.) сделан акцент на том, что «Китай неизменно проводит независимую и самостоятельную мирную внешнюю политику, всегда определяет свою позицию и политику в том или ином вопросе»²².

В целом, не вызывает сомнений, что во втором и третьем десятилетиях XXI в. роль КНР на международной арене поступательно растет. В этих условиях проблема многополярности фигурирует не только в концептуальных документах, но и в исследованиях китайских ученых. Д. А. Дегтерев отмечает, что в этих публикациях преобладает мысль о том, что Китай уже готов заменить США, однако он не станет гегемоном, а будет действовать на международной арене более разумно. Сложно не согласиться с позицией о том, что в российских и китайских исследованиях многополярность выступает как образ желаемого мироустройства (Degterev, Timashev, 2020, p. 9).

¹⁹ Си Цзиньпин: тенденции к многополярности мира и экономической глобализации необратимы (2020, 17 ноября). Взято 4 мая, 2024, с http://russian.china.org.cn/china/txt/2020-11/17/content_76920172.htm

²⁰ Си Цзиньпин: Китай продолжит продвигать многополярность мира (2023, 22 августа). Взято 4 мая 2024, с <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2023/08/22/991408-si-tszipin-kitai>

²¹ Цель действий к «двум столетним юбилеям» (2014, 18 ноября). Взято 6 мая 2024, с http://russian.china.org.cn/china/China_Key_Words/2014-11/18/content_34206361.htm

²² Полный текст доклада 20-ому Всекитайскому съезду Коммунистической партии Китая (2022, 25 октября). Взято 6 мая 2024, с https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202210/t20221026_10792071.html

Анализ представленности категории «многополярность» в концептуальных документах Республики Индия. В индийской политической системе отсутствует практика создания регулярного концептуального документа, содержащего стратегические положения развития страны на международной арене и сходного с Концепцией внешней политики и Стратегией национальной безопасности Российской Федерации или Белой книгой национальной обороны Китая. Однако мы полагаем, что в рамках проводимого сравнительного анализа в качестве ближайшего аналога этих документов могут рассматриваться Ежегодные отчеты, публикуемые Министерством иностранных дел Индии. Несмотря на то, что они по большей части дают информацию об уже состоявшихся событиях, многие положения этих текстов содержат заявления стратегического характера.

Анализ показывает, что термин «многополярность» впервые появляется во внешнеполитическом дискурсе Индии в первые годы XXI в., когда должность премьер-министра занимал А. Б. Ваджпаи (1998–2004). Этот период характеризуется максимально высоким уровнем сотрудничества Индии с КНР, поэтому неудивительно упоминание многополярности в тот момент почти никогда происходило вне контекстной связи с Китаем. Именно в интервью шанхайскому изданию Ваджпаи июне 2003 г. высказывает мысль о том, «что сегодня необходим многополярный мировой порядок, основанный на сотрудничестве и учитывающий законные интересы и чаяния всех его составляющих элементов»²³. Аналогично в Ежегодном отчете Министерства иностранных дел Индии за 2003–2004 гг. рассказывается о том, что в ходе визите индийского премьера в Китай обе страны «согласились, что многополярность в современном мире должна быть усилена»²⁴.

Поначалу то же положение дел сохранялось и после смены кабинета, когда на смену «Бхаратия джаната парти» (*Bharatiya Janata Party*, Индийская народная партия) пришел «Индийский национальный конгресс» (*Indian National Congress*) во главе с М. Сингхом. В Ежегодном отчете за 2004–2005 гг. отмечается, что «Индия привержена развитию долгосрочного конструктивного партнерства и сотрудничества с Китаем на основе принципов “панча шила”, взаимного уважения и чувствительности к проблемам друг друга и равенства», в связи с чем «сотрудничество между Индией и Китаем способствует не только их социально-экономическому развитию и процветанию, но и укреплению многополярности в мире, усилению позитивных факторов глобализации»²⁵. Упомянутые в документе принципы мирного сосуществования («панча шила») были впервые сформулированы еще в китайско-индийском соглашении 1954 г.

В дальнейшем в период правления Сингха содержание концепта «многополярность» уходит от безусловной коннотации с Китаем и существенно

²³ *Interview of Prime Minister Shri Atal Bihari Vajpayee by Wen Huibao, Shanghai* (2003, June 21). Retrieved May 6, 2024, from <https://www.mea.gov.in/interviews.htm?dtl/4683/Interview+of+Prime+Minister+Shri+Atal+Bihari+Vajpayee+by+Wen+Huibao+Shanghai>

²⁴ *Annual Report 2003–2004* (2004, March 31). Retrieved May 6, 2024, from https://www.mea.gov.in/Uploads/PublicationDocs/165_Annual-Report-2003-2004.pdf

²⁵ *Annual Report 2004–2005* (2005, April 1). Retrieved May 6, 2024, from https://www.mea.gov.in/Uploads/PublicationDocs/166_Annual-Report-2004-2005.pdf

расширяет свое содержание. В Ежегодном отчете за 2006–2007 гг. эта тема поднимается в связи с тем, что, по мнению индийской стороны, «развивающийся мир должен найти должное представительство среди постоянных членов Совета Безопасности ООН». Отмечается, что с этой целью «Индия продолжает работать со странами-единомышленниками ради справедливого, многополярного мирового порядка, который учитывает законные ожидания развивающихся стран»²⁶.

Как уже отмечалось ранее, в российских и частично в китайских стратегических документах высказывается положение о том, что страны Запада сознательно препятствуют становлению и развитию многополярности в современном мире. При этом в индийском политическом дискурсе понятие «многополярность» на протяжении довольно длительного времени рассматривается именно в контексте отношений со странами Европы. В том же Ежегодном отчете за 2006–2007 гг. содержится положение о том, что «Европа (особенно Европа, которая объединяется) будет играть роль ключевого полюса в развивающейся многополярной международной системе»²⁷. В аналогичном документе за 2008–2009 гг. высказывается мысль о том, что «Индия и ЕС (Европейский Союз) являются незаменяемыми полюсами в формирующихся многополярных структурах»²⁸. Еще одно упоминание многополярности в Ежегодном отчете за 2009–2010 гг. вновь связано с Европой: речь идет о проведении в марте 2010 г. конференции на тему «Роль Индии в многополярном мире», организаторами которой выступили «Форум Deutsche Bank» и британский аналитический центр *Policy Network*²⁹.

Уйдя с поста премьер-министра, доктор М. Сингх остался важной фигурой индийского политического истеблишмента, которая продолжает давать комментарии по поводу текущих событий. Весьма глубокой, на наш взгляд, является высказанная в одном из его интервью 2019 г. мысль о том, что «многополярность стала реальностью в мировой экономике, но политическим структурам еще предстоит преодолеть инерцию устаревшего мышления»³⁰.

Рассматривая эволюцию представленности термина «многополярность» в политическом дискурсе периода правления Н. Моды, возглавившего Индию в 2014 г., стоит согласиться с распространенным мнением о том, что этот руководитель гораздо больше озабочен внутренней политической государства, а на международной арене предпочитает поддерживать ровные отношения со всеми центрами силы. Неслучайно за все десятилетие интересующая нас категория лишь раз попала на страницы Ежегодного отчета Министерства иностранных дел: и вновь в контексте отношений со странами Европы.

²⁶ *Annual Report 2006–2007* (2007, April 1). Retrieved May 6, 2024, from https://www.mea.gov.in/Uploads/PublicationDocs/168_Annual-Report-2006-2007.pdf

²⁷ Ibid.

²⁸ *Annual Report 2008–2009* (2009, April 1). Retrieved May 6, 2024, from https://www.mea.gov.in/Uploads/PublicationDocs/170_Annual-Report-2008-2009.pdf

²⁹ *Annual Report 2009–2010* (2010, April 1). Retrieved May 6, 2024, from https://www.mea.gov.in/Uploads/PublicationDocs/171_Annual-Report-2009-2010.pdf

³⁰ *Present nuclear order coming under strain: Manmohan Singh* (2019, February 25). Retrieved May 6, 2024, from <https://indianexpress.com/article/india/present-nuclear-order-coming-under-strain-manmohan-singh-5599476>

В документе за 2020–2021 гг. говорится о визите в Индию министра иностранных дел Великобритании Д. Рааба, в рамках которых два государства «подтвердили свою общую приверженность многополярному миру и веру в многосторонность»³¹.

При этом было бы неправильно утверждать, что премьер-министр Н. Моди каким-то образом стремится игнорировать тему многополярного мира. К этой проблеме он регулярно обращается в своих международных поездках. Во время встречи на полях Восточного экономического форума (ВЭФ) во Владивостоке в сентябре 2019 г. Моди заявил, что и Индия, и России «понимают, что для того, чтобы добиться стабильности, нам нужен многополярный мир»³².

Еще раз к вопросу о многополярном мире Н. Моди вернулся в 2023 г., когда его страна председательствовала в «Большой двадцатке». Во время саммита в Дели индийский премьер-министр дал развернутое интервью изданию *Moneycontrol*, в котором объяснил свое понимание принципа «Васудхайва Кутумбакам» (Одна Земля, Одна Семья, Одно Будущее): «Новый мировой порядок многополярен. Каждая страна соглашается с другой по одним вопросам и не соглашается по другим. Приняв эту реальность, можно найти выход, отталкиваясь от национальных интересов. Индия именно так и делает»³³.

Позиция индийского руководства, в целом, сохраняет приверженность идее уникального цивилизационного положения страны, нашедшей наиболее яркое выражение в концепции «Трех стратегических колец». Согласно этому подходу, Индия фактически помещается в центр глобальных политико-экономических процессов и последовательно развивает отношения с приграничными государствами, странами Азии, а также со всем остальным миром.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ позволил выявить ряд закономерностей. В представленности категории «многополярность» в концептуальных документах Российской Федерации можно выделить три временных отрезка, в течение которых увеличивался удельный вес положений, направленных на становление многополярного мира. Первый из них (1997–2000) связан с деятельностью Е. М. Примакова, который является одним из создателей этой концепции мироустройства. На втором этапе (2008–2010) термин использовался, но, скорее, «по старой памяти», не получая нового содержания. Наконец, третий всплеск интереса к многополярности (с 2023 г.) характеризуется выходом категории на лидирующие позиции среди ключевых понятий российской политики, ее существенной концептуализацией и раскрытием семантического содержания.

³¹ *Annual Report 2020–2021* (2021, February 25). Retrieved May 6, 2024, from https://www.mea.gov.in/Uploads/PublicationDocs/33569_MEA_annual_Report.pdf

³² *Моди видит в сотрудничестве РФ и Индии залог многополярного мира* (2019, 4 сентября). Взято 6 мая 2024, с <https://regnum.ru/news/2708170>

³³ «Группа двадцати» в Индии, Моди: глобальный мир будет многополярным (2023, 6 сентября). Взято 6 мая 2024, с <https://pluralia.forumverona.com/ru/a/группа-двадцати-в-индии-моди-глобал>

Официальные документы Китая на протяжении нескольких десятилетий не обходятся без упоминания категории «многополярность». В то же время явно прослеживаются три хронологические фазы его использования. В период правления Цзян Цзэминя термин «доцзихуа» был краеугольным камнем китайском внешней политики и национальной безопасности. В период правления Ху Цзиньтао влияние этой концепции снизилось, уступая место идее экономического сотрудничества и глобализации. Во время Си Цзиньпина термин «многополярность» вновь занял передовое место в содержании Белой книги национальной обороны КНР и в ключевых выступлениях руководства страны.

Индийский политический дискурс отличает особый подход к пониманию многополярности, который также складывался в три этапа. На первом из них (период правления А.Б. Ваджпаи) данный термин фигурировал, в основном, в контексте отношений с Китаем. Второй этап связан с правлением М. Сингха и характеризуется активными попытками вовлечь страны Европы в процесс построения многополярного мира. Наконец, в годы руководства Индией Н. Модии внешняя политика рассматривается в большей степени как инструмент укрепления внутреннего единства страны, поэтому упоминание многополярности главным образом связано с участием Индии в деятельности глобальных объединений. Индийская трактовка многополярного мира имеет почти исключительно экономическое, а не геополитическое содержание, что существенно отличает этот подход от китайского и особенно российского.

В целом, важно подчеркнуть значимость цивилизационного фактора, который непосредственно диктует стремление рассматриваемых в данной работе государств к роли лидеров многополярного мира. Россия, Китай и Индия являются стречневными государствами отдельных цивилизаций, имеющих тысячелетнюю историю. Нет сомнений в том, что именно уникальный исторический путь развития наложил значительный отпечаток на современное внешнеполитическое позиционирование Москвы, Пекина и Нью-Дели. В настоящее время цивилизационный фактор напрямую реализуется в таких концепциях, как «Русский мир», «Один пояс – один путь», «Три стратегических кольца».

В то же время нельзя не заметить значимое отличие в употреблении рассматриваемого понятия в официальных документах крупнейших стран мира. В российских Концепциях и Стратегиях упоминание многополярности почти неизбежно сопровождается замечаниями о том, что государства Запада во главе с США препятствуют ее наступлению. Наряду с этим китайские официальные документы, несмотря на не самые благоприятные отношения с Америкой, почти не касаются ее отрицательной роли как фактора, препятствующего созданию многополярного мира. Индийский же подход напрямую указывает на то, что страны Европы являются активными участниками построения международной системы, основанной на многополярности. Эти различия, на наш взгляд, объясняются именно разным толкованием содержательного ядра центральной категории данного исследования.

Резюмируя, отметим, что в Китае понятие «многополярность» было использовано впервые в форме оригинальной концепции «доцзихуа». В Индии данное понятие приобрело новое содержание, обогатившись геоэкономическим смыслом. При этом можно сделать вывод о том, что именно в российских концептуальных

документах содержательные характеристики и принципы многополярного мироустройства, а также механизмы его достижения были раскрыты максимально полно с учетом геополитических и цивилизационных аспектов. В завершение отметим, что полученные в исследовании результаты продемонстрировали общую приверженность России, Китая и Индии идее построения многополярного мира и при этом выявили необходимость преодоления некоторых разночтений в трактовке краеугольного для современных международных отношений термина «многополярность» для дальнейшего сближения позиций нашей страны и ее ключевых партнеров.

Список литературы

1. Агаркова, А.С. (2022). Концепция многополярности в зарубежном академическом дискурсе. *Теории и проблемы политических исследований*, 11(2А), 125–131. <https://doi.org/10.34670/AR.2022.11.35.014>
2. Атамали, К.Е. (2021). Внешняя политика России: многополярность и поворот на Восток. *Россия и мусульманский мир*, (1), 15–26.
3. Дейч, Т.Л. (2023). Китай в Африке в условиях становления многополярности. *Вестник ученых-международников*, (4), 219–226.
4. Елецкий, А.Н. (2015). *Формирование геоэкономической централизованности современной мировой экономики: генезис и перспективы многополярности*. Ростов-на-Дону: Южный федерал. ун-т.
5. Крадин, Н.Н. (2023). Феномен многополярности в исторической ретроспективе. *Евразийский ежегодник*, (1), 18–30. <https://doi.org/10.22455/2949-5865-2023-1-18-29>
6. Мальченков, С.А. (2022). Цивилизационный дискурс в высказываниях В.В. Путина. *Дискурс-Пи*, 19(2), 53–71. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_2_53
7. Подоль, Р.Я. (2003). Многополярность мира как проблема философии истории. *Новые идеи в философии*, 2(12), 14–21.
8. Портяков, В.Я. (2013). Видение многополярности в России и Китае и международные вызовы. *Сравнительная политика*, 4(1), 86–97.
9. Примаков, Е.М. (1996). На горизонте – многополюсный мир. *Международная жизнь*, (10), 3–13.
10. Chu, S., Holbig, H., Narlikar, A., & Plagemann, J. (2024). In the Eyes of the Beholders: The Legitimacy of Global Governance Institutions under Multipolarity. *International Studies Quarterly*, 68(2), 1–14. <https://doi.org/10.1093/isq/sqae034>
11. De Keersmaeker, G. (2017). *Polarity, Balance of Power and International Relations Theory*. London: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-3-319-42652-5_6
12. Degterev, D.A., & Timashev G.V. (2020). Concept of Multipolarity in Western, Russian and Chinese Academic Discourse. *Sententia. European Journal of Humanities and Social Sciences*, (2), 9–20. <https://doi.org/10.25136/1339-3057.2020.2.31787>
13. Guttman, R. (2022). *Multi-Polar Capitalism: The End of the Dollar Standard*. London: Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-88247-1>

14. Jian, S., & Nianwen, X. (2017). Lun Lengzhan hou guoji zhengzhi geju duojihua qushi (About the multipolarization tendency of the international political structure after the cold war). *Journal of Harbin University*, 38(01), 17–20.
15. Kapoor, N. (2023). Multi-alignment under “Uneven Multipolarity”: India’s Relations with Russia in an Evolving World Order. *MGIMO Review of International Relations*, 16(2). 15–32. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-2-89-15-32>
16. Kissinger, H. (1994). *Diplomacy*. New York: Simon & Schuster.
17. Korybko, A. B. (2021). The End of Pax Americana and the Rise of Multipolarity. *Comparative Politics Russia*, 12(1), 167–173. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10013>
18. Silvius, R. (2019). Chinese-Russian economic relations: developing the infrastructure of a multipolar global political economy? *International Politics*, 56(27), 622–638. <https://doi.org/10.1057/s41311-018-0161-1>
19. Yadav, S. (2024). Technologies of tomorrow: a geopolitical gateway to a multi-polar world order and India’s opportunities and challenges in IT. *International Education and Research Journal*, 10(2), 51–53. <https://doi.org/10.21276/IERJ24781511118381>

References

1. Agarkova, A.S. (2022). Kontseptsiya mnogopolyarnosti v zarubezhnom akademicheskom diskurse [The concept of multipolarity in foreign academic discourse]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy*, 11(2A), 125–131. <https://doi.org/10.34670/AR.2022.11.35.014>
2. Atamali, K.E. (2021). Vneshnyaya politika Rossii: mnogopolyarnost’ i povorot na Vostok [Russian foreign policy: multipolarity and a turn to the east]. *Rossiia i musul'manskiy mir*, (1), 15–26.
3. Chu, S., Holbig, H., Narlikar, A., & Plagemann, J. (2024). In the Eyes of the Beholders: The Legitimacy of Global Governance Institutions under Multipolarity. *International Studies Quarterly*, 68(2), 1–14. <https://doi.org/10.1093/isq/sqae034>
4. De Keersmaeker, G. (2017). *Polarity, Balance of Power and International Relations Theory*. London: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-3-319-42652-5_6
5. Degterev, D.A., & Timashev G.V. (2020). Concept of Multipolarity in Western, Russian and Chinese Academic Discourse. *Sententia. European Journal of Humanities and Social Sciences*, (2), 9–20. <https://doi.org/10.25136/1339-3057.2020.2.31787>
6. Deich, T.L. (2023). Kitay v Afrike v usloviyakh stanovleniya mnogopolyarnosti [China in Africa in the conditions of the emerging multipolarity]. *Vestnik uchenykh-mezhdunarodnikov*, (4), 219–226.
7. Guttman, R. (2022). *Multi-Polar Capitalism: The End of the Dollar Standard*. London: Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-88247-1>
8. Jian, S., & Nianwen, X. (2017). Lun Lengzhan hou guoji zhengzhi geju duojihua qushi (About the multipolarization tendency of the international political structure after the cold war). *Journal of Harbin University*, 38(01), 17–20.

9. Kapoor, N. (2023). Multi-alignment under “Uneven Multipolarity”: India’s Relations with Russia in an Evolving World Order. *MGIMO Review of International Relations*, 16(2). 15–32. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-2-89-15-32>
10. Kissinger, H. (1994). *Diplomacy*. New York: Simon & Schuster.
11. Korybko, A. B. (2021). The End of Pax Americana and the Rise of Multipolarity. *Comparative Politics Russia*, 12(1), 167–173. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10013>
12. Kradin, N. N. (2023). Fenomen mnogopolyarnosti v istoricheskoy retrospective [Phenomena of multipolarity in historical retrospective]. *Evrasiyskiy ezhegodnik*, (1), 18–30. <https://doi.org/10.22455/2949-5865-2023-1-18-29>
13. Malchenkov, S. A. (2022). Tsivilizatsionnyy diskurs v vyskazyvaniyakh V. V. Putina [Civilization discourse in the statements of Vladimir Putin]. *Diskurs-Pi*, 19(2), 53–71. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_2_53
14. Podol, R. Ya. (2003). Mnogopolyarnost’ mira kak problema filosofii istorii [Multipolarity of the world as a problem in the philosophy of history]. *Novye idei v filosofii*, 2(12), 14–21.
15. Portyakov, V. Ya. (2013). Videnie mnogopolyarnosti v Rossii i Kitae i mezhdunarodnye vyzovy [Vision of multipolarity in Russia and China and international challenges]. *Sravnitel’naya politika*, 4(1), 86–97.
16. Primakov, E. M. (1996). Na gorizonte – mnogopolyusnyy mir [A multipolar world is on the horizon]. *Mezhdunarodnaya zhizn’*, (10), 3–13.
17. Silvius, R. (2019). Chinese-Russian economic relations: developing the infrastructure of a multipolar global political economy? *International Politics*, 56(27), 622–638. <https://doi.org/10.1057/s41311-018-0161-1>
18. Yadav, S. (2024). Technologies of tomorrow: a geopolitical gateway to a multi-polar world order and India’s opportunities and challenges in IT. *International Education and Research Journal*, 10(2), 51–53. <https://doi.org/10.21276/IERJ24781511118381>
19. Yeletskiy, A. N. (2015). *Formirovanie geoekonomicheskoy tsentrirovannosti sovremennoy mirovoy ekonomiki: genezis i perspektivy mnogopolyarnosti* [Formation of geo-economic centrality of the modern world economy: genesis and prospects of multipolarity]. Rostov-on-Don: Yuzhnyy federal. un-t.

Информация об авторе

Станислав Александрович Мальченков, доктор философских наук, доцент, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, Саранск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3274-4410>, e-mail: stamal@yandex.ru

Information about the author

Stanislav Aleksandrovich Malchenkov, Doctor of Philosophy, Associate Professor, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3274-4410>, e-mail: stamal@yandex.ru